

Х Р О Н И К А

СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК И ПЛЕНУМ ИНСТИТУТА ИСТОРИЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АН СССР, ПОСВЯЩЕННЫЕ ИТОГАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В 1955 ГОДУ

Со 2 по 7 апреля 1956 г. в Ленинграде проходила сессия ОИН и пленум ИИМК АН СССР, посвященные итогам полевых археологических исследований ИИМК за 1955 год.

В работе сессии и пленума участвовало около 400 ученых (археологов, историков, антропологов, геологов, языковедов и др.), представителей академий наук союзных республик и различных научных учреждений Советского Союза. В качестве гостей присутствовали ученые других стран (Голландии, Польши, Чехословакии и др.)

На пленарных и секционных заседаниях было заслушано и обсуждено 193 доклада. Кроме того, была организована большая выставка наиболее интересных материалов экспедиций 1955 г. и выставка печатных трудов ИИМК АН СССР.

Акад. М. Н. Тихомиров в своем вступительном слове на открытии сессии и пленума указал, что археологические полевые исследования ИИМК в 1955 г. дали новый материал, позволяющий уточнить, а в ряде случаев и решить многие проблемы истории нашей страны. Дав положительную оценку работ по палеолиту, неолиту, бронзе и железу, М. Н. Тихомиров указал на особую важность изучения древнейших эпох для решения проблемы становления человека и человеческого общества. Характеризуя исследования и раскопки древних городов Причерноморья, Закавказья и Средней Азии, он отметил важность расширения изучения сельскохозяйственных территорий античных городов, но указал в то же время на недостаточность работ по изучению скифов. Работы по этногенезу славян, средневековым, исследования памятников материальной культуры на Кавказе, в Киргизии, на Дальнем Востоке, в Средней Азии и пр. также дали положительные результаты. Работы на новостройках страны спасли для науки огромные культурные ценности.

Как положительное явление был отмечен контакт археологов с представителями естественноисторических дисциплин, а также сближение археологов, этнографов, историков и лингвистов в решениях крупных общих проблем истории.

В конце своего выступления М. Н. Тихомиров отметил большую заботу и внимание Советского правительства к охране культурных ценностей и к развитию научно-исследовательской работы по изучению прошлого нашей страны.

Наиболее важными проблемами, обсуждавшимися на сессии и пленуме, были: этногенез восточных славян, становление человека и человеческого общества и проблема распространения индоевропейской речи в доисторические эпохи. Из 13 докладов, зачитанных на пленарных заседаниях, четыре касались общих проблем, а остальные — результатов работ крупных экспедиций.

Проблеме этногенеза славян был посвящен доклад П. Н. Третьякова «Спорные вопросы этнического развития восточных славян». Исходя из положения, что во-

сточные славяне не могли возникнуть внезапно в IX—X вв. н. э. (в Поднепровье), П. Н. Третьяков считает, что их появление было подготовлено длительным предшествующим развитием, что и подтверждается, по его мнению, исследованием археологических памятников. Взяв за исходный пункт позднеолитические культуры европейской части СССР, а также среднеднепровскую и фатьяновскую (III—II тысячелетия до н. э.) культуры бронзового века, П. Н. Третьяков предполагает, что в среде последних (особенно среднеднепровской) в Среднем и Верхнем Поднепровье с VII в. до н. э. слагаются культуры балто-славянского характера: с одной стороны, городища со штрихованной керамикой и с другой—городища и могильники культур типа подгорской, милоградской, юхновской и др. Первые П. Н. Третьяков считает балтийскими, вторые славянскими. Далее, повидимому из культур указанного типа, развивается зарубинецкая, но, возможно, в создании ее играли роль и южные (чернолеско-скифские) и западные (латенские) элементы. Однако, основываясь на данных карты распространения памятников зарубинецкой культуры и других фактах, докладчик считает ее раннеславянской, очень близкой к пшеворской культуре Польши и Западной Украины. Что же касается основных групп археологических памятников Среднего и Верхнего Поднепровья IV—IX вв. н. э., то они увязываются с древнерусскими племенами. Спорным остается вопрос о черняховской культуре, но поскольку она распространялась в среде южной группы зарубинецких племен, то ее можно привлекать для характеристики культуры южной группы восточнославянских племен 2-й четверти I тысячелетия н. э.; культурные традиции различных групп среднеднепровского славянского населения отразились в культуре Руси IX—X веков.

Доклад П. Н. Третьякова вызвал оживленную дискуссию. М. И. Артамонов и М. А. Тиханова возражали докладчику по поводу трактовки черняховской культуры как славянской, а также отрицали ее значение в развитии русской культуры и сложении в ее рамках Киевской Руси, так как, по их мнению, черняховская культура была сметена гуннами и не оставила следа. Е. Н. Горюнова не согласилась с периодизацией некоторых памятников, с трактовкой Березняковского городища как славянского и с выделением признака трупосожжения в типичный только для славян.

Б. А. Рыбаков, В. В. Мавродин и А. Н. Тереножкин согласились с концепцией П. Н. Третьякова, считая ее, в основном, правильным решением вопроса этногенеза славян. А. Н. Тереножкин возражал только относительно происхождения зарубинецкой культуры из милоградской.

Общее обсуждение этногенеза восточных славян выявило крупные пробелы в изучении и исследовании ранних славянских памятников и показало необходимость расширения работ Славянской экспедиции.

С большим интересом участники сессии заслушали доклад А. П. Окладников, посвященный проблеме «О времени и условиях становления человеческого общества». Постановка этого доклада была вызвана появлением статьи Б. Ф. Поршнева «Материализм и идеализм в вопросах становления человека» («Вопросы философии», 1955, № 5).

В первой части доклада А. П. Окладников рассказал о значении этой проблемы и важности ее разрешения совместными усилиями археологов, антропологов, этнографов, лингвистов и др. Вторую часть доклада он посвятил критике ложномарксистской концепции Б. Ф. Поршнева в вопросе происхождения человека. Остановившись на его основных ошибках, а именно: отрицании социальных закономерностей для нижнего и среднего палеолита с подменой их биологическими факторами, отождествлении первобытных формирующихся людей с животными, на отрицании наличия переходного этапа от животного состояния к человеческому и т. д., А. П. Окладников доказал несостоятельность взглядов Б. Ф. Поршнева.

Исходя из общей марксистско-ленинской концепции о становлении человека и учитывая новейшие достижения археологии и антропологии, А. П. Окладников предложил следующую последовательность в развитии ранних этапов истории первобытного человека: 1. Время высокоорганизованных обезьян («стадо обезьян, берущих палки») и первых инстинктивных форм труда. 2. Время первобытных формирующихся

людей — типа питекантропа — неандертальца, когда с появлением орудий труда возникает человеческое общество, зачатки абстрактного мышления и сознательной трудовой деятельности (археологически это шельль, ашель и мустье нижнего и среднего палеолита). 3. Появление современного человека (*homo sapiens*), сложение материнского рода и становление больших расовых групп (верхний палеолит).

Выступавшие в прениях осудили вредные и чуждые марксизму-ленинизму взгляды Б. Ф. Поршнева в вопросах становления человека и единодушно пришли к мнению, что история человеческого общества начинается с нижнего палеолита, с момента изготовления первых орудий труда. Что же касается схемы, предложенной А. П. Окладниковым, то, в основном, она была одобрена, но ввиду недостаточной разработанности вопроса и спорных моментов сессия и пленум постановили провести специальную дискуссию по этой проблеме.

Проблеме антропогенеза был посвящен доклад Г. Ф. Дебеча «Современное состояние палеоантропологических исследований в СССР».

Доклад Б. В. Горнунга «Проблема распространения индоевропейской речи в доисторические эпохи» явился попыткой увязать лингвистические и археологические данные с целью доказательства возникновения и распада индоевропейского языка-основы. Несмотря на дискуссионность и схематичность многих положений доклада постановка проблемы с привлечением археологических данных вызвала одобрение участников пленума и пожелание усиления контакта между лингвистами и археологами.

А. В. Арциховский доложил о раскопках в Новгороде.

Результатам раскопок урартского города Тейшебаини был посвящен доклад Б. Б. Пиотровского. Ежегодные исследования этого крупного центра урартского государства, основанного в VII в. до н. э., дали блестящие результаты. В кладовых и хозяйственных помещениях цитадели (на холме Кармир-Блур) найдено огромное количество разнообразных материалов, рисующих жизнь и историю города. О развитии земледелия, животноводства, садоводства и бахчеводства говорят многочисленные находки зерен злаков, костей животных, остатков плодов, овощей и пр. Разнообразные бронзовые изделия и предметы вооружения с надписями, изображениями и пр. являются выдающимися памятниками урартского искусства. Найденные клинописные таблички рассказывают о хозяйстве города, а вещи — о связях с Ассирией, Передней Азией, Северным Кавказом и Поднепровьем. Удалось установить, что Тейшебаини был разрушен внезапно в VI в. до н. э., повидимому скифами. Дальнейшие исследования этого исключительного памятника необходимы.

В области изучения античных городов Северного Причерноморья ценные результаты дали новые раскопки ольвийской агоры, о которых доложила Е. И. Левина.

В 1955 г. в северной части агоры были обнаружены фундаменты храмов V—III вв. до н. э. Фрагменты надписей, два декрета и другие материалы, найденные здесь, освещают экономику и хозяйство города. Цистерна, открытая к востоку от алтаря, представляет особый интерес своей формой, большими размерами (8 м глубины) и находками в ней огромного количества обломков терракот, изображающих божества (Афродита, Кибела, Деметра и др.). Агора была разрушена во второй половине II в. до н. э. Новые находки говорят об экономическом и политическом упадке Ольвии задолго до ее разгрома гетами.

О результатах работ Молдавской экспедиции 1955 г. было доложено Т. С. Пасек. С. С. Черников сделал доклад о некоторых итогах работ Восточно-Казахстанской экспедиции. С древнейшей историей Сибири и Дальнего Востока сессию познакомил А. П. Окладников. О. Н. Бадер сделал интересный доклад об итогах работы Камской экспедиции.

Доклад Е. Н. Крупнова «К археологическому изучению северо-восточного Кавказа и северо-западного Прикаспия» познакомил сессию и пленум с интересными результатами экспедиции. Выявленные ею памятники раннего неолита северо-западного Прикаспия имеют общее значение в изучении древнейшей истории нашей страны. Особый интерес представили раскопки курганный группы у с. Ачикулак, давшие пер-

вые факты находок в Грозненской области древнеямыных, савроматских и сарматских (диагональных) погребений. Раскопки могильника у с. Лугового позднекобанской культуры дали вещи, указывающие на связь Северного Кавказа с Западной Грузией, Малой Азией и даже Египтом. Исключительную важность представляют находки в энеолитическом слое Лугового могильника, связывающие Северный Кавказ с Закавказьем в одну энеолитическую культуру III тысячелетия до н. э. Систематически исследуемые памятники материальной культуры северо-восточного Кавказа и северо-западного Прикаспия позволяют установить последовательное развитие местных культур и проследить широкие связи их с народами Закавказья, Малой Азии и степями Северного Причерноморья и Приазовья. Очевидно, Северный Кавказ являлся местом контактирования местных кавказских племен с праюзычными населением степного юга (скифами, савроматами, сарматами и т. д.).

Наряду с научными докладами на сессии был заслушан доклад директора ИИМК Б. А. Рыбакова «О перспективном плане археологических работ ИИМК».

Остановившись на значении исторических постановлений XX съезда КПСС в области науки, Б. А. Рыбаков предложил пересмотреть всю археологическую работу в свете этих постановлений. Отметив широкое развитие археологических исследований в нашей стране и возросшее значение выводов археологии для исторической науки, Б. А. Рыбаков указал на существенные недостатки как в области археологических исследований, так и в публикации их результатов. В дальнейшем необходимы укрупненные экспедиции по всестороннему и широкому изучению отдельных территорий и особенно тех, которые являются белыми пятнами на археологической карте. Докладчик указал на необходимость более интенсивного издания публикаций, источниковедческих работ и пособий по археологии.

По докладу развернулись оживленные прения, выявившие недостатки в работе и намечившие ряд мероприятий по улучшению планирования.

Дальнейшая работа пленума проходила на заседаниях секций.*

В секции раннего железа обсуждались доклады по вопросам скифо-сарматской археологии, по железнному веку средней полосы Восточной Европы, Урала и Сибири.

О раскопках могильников эпохи раннего железа Закарпатской области сообщил К. В. Бернякович. Докладчик отметил, что по своей этнической принадлежности закарпатские племена относились, вероятно, к северофракийской дако-гетской группе племен. На анализе погребальных памятников К. В. Бернякович проследил тесные связи древнего населения Закарпатья с племенами западной Подолии, а также наличие обмена с обитателями лесостепи скифского времени.

Б. А. Шрамков в докладе о следах земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железнном веке попытался на основании новых материалов (раскопки у с. Караван Харьковской области) показать распространение культа огня у племен Северного Причерноморья, следы которого появляются уже в белогрудовских и чернолесских памятниках.

А. П. Мандевич познакомила собравшихся с деталями скифской мебели ассирийского происхождения (серебряная головка быка из кургана на р. Калитве).

Охранные раскопки в Неаполе Скифском 1955 г., о которых доложил А. Н. Карасев, привели к открытию остатков акрополя Неаполя Скифского, занимавшего самую возвышенную часть городища.

В докладе П. Н. Шульца о раскопках укрепленного поселения на горе Копка впервые были ярко обрисованы стратиграфия таврских поселений Крыма и конструкции жилых домов.

В 1955 г. проводились раскопки памятников скифского времени в районе Нижнего Дона. Из них особенно интересны раскопки Недвиговского городища (Танаис). Д. Б. Шелов сообщил, что на этом городище открыты часть оборонительной стены и комплекс примыкающих к ней помещений II—III вв. н. э. За пределами городища,

* В настоящем отчете отражено главным образом содержание тех докладов, которые представляют интерес для истории античности.

к востоку, вскрыто несколько погребений, наиболее ранние из которых датируются III веком до н. э.

Не меньший интерес представляет сообщение И. С. Каменецкого о результатах раскопок Нижне-Гниловского городища, расположенного около г. Ростова н/Д. Как показали выступления по докладам, раскопки Нижне-Донских городищ имеют большое научное значение и должны быть расширены.

С итогами археологических исследований в Краснодарском крае в 1955 г. познакомил собравшихся Н. В. Анфилов. На Семибратнем городище продолжались исследования оборонительных сооружений V—IV вв. до н. э. и III в. до н. э. Изучение меотских городищ (близ с. Красного и в районе аулов Гатлукай — Пчегатлукай) показало непрерывность и преемственность в развитии культуры позднемеотского периода и раннесредневекового времени, что имеет значение в выяснении формирования будущей адыгейской народности на северо-западном Кавказе.

О сарматских погребениях Быковских курганов сделал доклад К. Ф. Смирнов. Савроматские погребения у с. Быкова Сталинградской области дали яркую картину генетической связи савроматов с населением срубной культуры. Более поздние сарматские погребения (IV в. до н. э. — II в. н. э.) отличаются единством погребального обряда, свидетельствующим о том, что в указанную эпоху в районе Быкова не происходило существенных изменений в этническом составе кочевников.

Впервые в Нижнем Поволжье во II Бережновском могильнике (доклад И. В. Синицына) обнаружена группа погребений с диагональным положением скелетов (II в. до н. э. — II в. н. э.), что является характерным для сарматов.

В. А. Сорокин доложил, что в Актюбинской области (Акжар), на целинных землях Казахстана, открыты савроматские погребения VI—IV вв. до н. э. и сарматские — от III в. до н. э. до IV в. н. э.

Антропологическую характеристику сарматов Западного Казахстана дали В. В. Гинзбург и Б. В. Фирштейн.

С. В. Киселев познакомил с исследованием погребальной пирамиды и дромоса под большим Салбыкским курганом III в. до н. э. в Хакасии. А. П. Окладников сообщил о начале исследования развалин города Бохайского царства в г. Ворошилове.

Секция античной археологии. В. Д. Блаватский выступил с докладом о раскопках Пантикапея в 1955 г. Работы производились в восточной части северного склона горы Митридата, где открыты архитектурные и хозяйственные комплексы римского времени. В античные напластования было впущено много средневековых могил.

О результатах исследований античных поселений в Восточном Крыму и сельской территории европейского Боспора сообщили В. Ф. Гайдукевич и И. Т. Круглик. Выступавшие в прениях по докладам отметили исключительную важность этих работ; они вводят в научный обиход ряд неизвестных ранее памятников, приоткрывающих новое в экономической истории Боспора.

Изучение азиатского Боспора в 1955 г. также проводилось в двух направлениях: на территории больших городов — Фанагории, Гермонассы и Горгиппии и на территории поселений — у Лысой горы (около станции Таманской) и у станции Раевской, Анапского района.

Раскопками Фанагории (доклад М. М. Кобылиной) получены новые данные по истории города, особенно по оборонительным сооружениям Фанагории.

И. Б. Зеев познакомил собравшихся с результатами раскопок Гермонассы. Они дают нам новые сведения о планировке города, местном производстве, торговле и других сторонах экономической жизни Гермонассы в различные периоды ее истории. Материалы исследований некрополя Горгиппии (доклад И. В. Поздеевой) дополняют наши представления об уровне и характере материальной культуры населения Горгиппии и его связях с Прикубаньем, Боспором и странами Средиземноморья.

На сельскохозяйственном поселении IV—III вв. до н. э. у Лысой горы (доклад Н. И. Соколовского) открыты остатки жилого помещения и керамических печей.

Городище у станицы Раевской (доклад Н. А. О н а й к о) является одним из укрепленных поселений сельскохозяйственной территории Боспора IV—III вв. до н. э. Раскопками обнаружена часть каменного здания с расписной штукатуркой IV—III вв. до н. э., а также остатки оборонительных сооружений, относящихся к первым векам нашей эры.

Изучению Херсонеса и прилегающей к нему территории посвящены доклады Г. Д. Б е л о в а, В. В. Б о р и с о в о й и С. Ф. С т р ж е л е ц к о г о. Докладчики сообщили много нового по истории античного и средневекового Херсонеса, а также ряд деталей о ремесленном производстве этого центра. Большого внимания заслуживают результаты раскопок клеров Херсонеса (С. Ф. С т р ж е л е ц к и й).

Важный материал для изучения этнического состава населения юго-западного Крыма в сарматскую эпоху (раскопки могильников у с. Заветного) продемонстрировала Н. А. Б о г д а н о в а.

О новых данных в области исследования оборонительных сооружений древней Ольвии сообщил К. Э. Г р и н е в и ч.

Л. М. С л а в и н рассказал о раскопках городских кварталов Ольвии, которые дали большой материал для изучения городского строительства и хозяйства города в догетскую эпоху.

В 1955 г. продолжались раскопки и на ольвийской агоре¹. О них доложил А. Н. К а р а с е в.

В северной части территории римской цитадели в Ольвии (доклад К. С. Г о р б у н о в о й) производились доследования монументального фундамента стены VI—V вв. до н. э. и подвала дома IV—III вв. до н. э.

Ю. С. К р у ш к о л прочла доклад «Основные пункты и направления торговли Северного Причерноморья с Родосом (IV—I вв. до н. э.)».

Секция нумизматики. Л. Н. К а з а м а н о в а прочла доклад «К вопросу о „котлах“ и „треугольниках“ в критских надписях».

П. О. К а р ы ш к о в с к и й остановился на вопросе о курсе кизикинов в античном Причерноморье, бытовавших в разных центрах Причерноморья с VI по IV вв. до н. э. Докладчик пришел к выводу, что античные города Северного Причерноморья, являющиеся в экономическом отношении одной из составных частей античного мира, переживали те же колебания монетных металлов, что и последний.

Д. Б. Ш е л о в сообщил об анапском кладе боспорских монет, найденном в 1955 г. Это первый боспорский клад, содержащий монеты Левкона II: он отражает состав денежного обращения Боспора во время денежной реформы Левкона II.

Трактовке египетских мотивов в монетной чеканке боспорского царства I в. до н. э.—I в. н. э. (монеты с монограммой ВАЕ) посвятил свой доклад В. М. Б р а б и ч.

В. В. К р а п о т к и н рассказал о находках римских монет в Восточной Европе, картографирование которых позволяет выделить три нумизматические провинции: 1) Молдавия и Украина, 2) Прибалтика, 3) Закавказье и Северный Кавказ.

Таблица кладов римских и византийских монет от I до XIII в. позволяет утверждать, что обращение византийских монет VI—IX вв. н. э. было очень ограничено и не было связано с обращением римского денария. Значительный приток византийских монет в Восточную Европу имел место только с середины X в. н. э.

Доклад Ю. С. К р у ш к о л о монетах скифских царей вызвал серьезные возражения.

В резолюции, принятой сессией и пленумом, отмечены крупные достижения советской археологии и указывается на необходимость созыва Всесоюзного археологического совещания по вопросам координации работы всех союзных республик, а также по вопросам охраны памятников и хранения археологических коллекций в музеях.

Д. А. Крайнов, Н. А. Онайко

¹ Подробнее об этом см. в изложении доклада Е. И. Леви на общем заседании пленума.